

© Б. Ж. Жусупова, Б. И. Карипбаев, П. П. Солощенко

DOI: [10.15293/2226-3365.1804.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1804.05)

УДК 101 + 316

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕТЕРОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Б. Ж. Жусупова, Б. И. Карипбаев, П. П. Солощенко
(Караганда, Республика Казахстан)

Проблема и цель. Статья посвящена проблеме обоснования необходимости гетерологической модели постнеклассического социально-философского дискурса в условиях «турбулентной» современности. Цель статьи – выявить эпистемологический потенциал социальной гетерологии в контексте принципа неопределенности социального познания.

Методология. Исследование проведено в рамках критического анализа работ европейских и российских философов, теоретического обобщения, эвристического синтеза, методов социальной синергии и социальной гетерологии в исследовании современных социальных процессов.

Результаты. Авторы выявили гетерогенный характер современного общества, имеющего сложнейшую онтологическую организацию, нелинейную структуру, разомкнутость, неравновесность. Авторы выделили две основные модели, два основных подхода в объяснении социального бытия: онтологический и гетерологический. Проанализированы и обобщены взгляды российских и европейских философов на необходимость и сущность постнеклассических методов и парадигм социального познания, которые преимущественно носят гетерологический характер. Отмечается, что мир социума, носителями которого являются люди, движим не только объективными законами бытия, но и свободными человеческими, в том числе иррациональными, волеизъявлениями, что порой делает его неожиданным, внезапным и непредсказуемым. Авторская позиция в том, что социальная гетерология как постнеклассический метод социального познания конституирует принцип неопределенности как неизбежный его атрибут, свидетельствующий о сложной динамике саморазвития общественных процессов, характеризуемых множественностью сингулярностей.

Жусупова Бахыт Жармухамедовна – старший преподаватель кафедры философии и теории культуры, Карагандинский государственный университет им. академика Е. А. Букетова, магистр гуманитарных наук,

докторант специальности «Философия», Республика Казахстан.

E-mail: zhusupova2013@mail.ru

Карипбаев Байжол Исакович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории культуры, Карагандинский государственный университет им. академика Е. А. Букетова, Республика Казахстан.

E-mail: karipbaev@mail.ru

Солощенко Павел Петрович – старший преподаватель кафедры философии и теории культуры, Карагандинский государственный университет

им. академика Е. А. Букетова, магистр гуманитарных наук, Республика Казахстан.

E-mail: p_soloschenk@mail.ru

Авторами обоснована позиция, что гетерологическая парадигма приближает нас к пониманию противоречивых современных социальных процессов не только из когнитивного интереса, но, главным образом, из практического, чтобы выработать человекомерные тактики и стратегии развития с целью избежать социальной напряженности, социальных катаклизмов.

Заключение. Таким образом, социальная гетерология как новая методология социального познания имеет достаточные основания стать новой парадигмой, необходимой для исследования социума в условиях децентрированной, фрактальной современности. Социальная гетерология адекватно коррелирует с принципом неопределенности социального познания и обладает высоким потенциалом в исследовании современных социальных процессов.

Ключевые слова: гетерогенное общество; постнеклассический дискурс; постнеклассические методы; эпистемологический потенциал; когнитивный интерес; гетерологическая парадигма; множественность сингулярностей; нелинейная структура; динамика саморазвития; человекомерные тактики.

Постановка проблемы

Социум сегодняшнего дня эксплицитно представлен гетерогенной социальностью. Главные атрибуты гетерогенного общества: различие, множественность сингулярностей, децентрированность. Современный ход общественного развития опровергает редуционистские классические установки социальной философии на однообразность и целостность социального бытия и доказывает их несостоятельность, безжизненность и даже бесчеловечность в связи с игнорированием качества человеческой жизни.

Классические установки социальной философии оказались тщетными в понимании качества человеческой жизни, сводя человека к формализованному субъекту человеческой истории. Важным стал именно гуманитарный характер мышления, который предназначен преодолевать классический субъект-объектный прием мысли и все более приближаться к субъект-субъектному, метамышлению, а в итоге самопознанию. Гуманитарный характер мышления возможен при условии отказа от трансцендентального метода социального исследования, конгруэнтного выходу за пределы человека.

Подобный отказ связан с именем М. Хайдеггера, который способствовал онтическому повороту социально-философского дискурса, в результате которого выделились две основные модели, два основных подхода в объяснении социального бытия: онтологический и гетерологический. *Онтологический подход* связан с обязательным соотношением социального сущего с неким трансцендентальным, идеальным основанием, сингулярным, не плюральным [2]. *Гетерологический подход*, напротив, стремится не искать абсолютный источник, руководящий принцип и центр, гипостазированное бытие, которое запредельно сущему. Этот подход связан с таким взглядом на общество, в котором именно различия, а не тождество являются главнейшим его атрибутом, линейное развитие и организация общества подвергаются сомнению, а многомерные связи выводят релятивизм на первый план, легитимируя принцип неопределенности в познании. Но речь идет не об инфляции истины в социальном познании, а о поиске новой парадигмы, методологии познания современного социума в условиях возрастания фактора неопределенности.

Принцип неопределенности социального познания вызван множеством факторов,

но особую актуальность ему придают понятия прогноз и предсказание. Мы на пороге абсолютно новой социальной реальности, к которой не готовы. Будущее современного мира все меньше представляется в ракурсе светлой надежды, вызывая футурошок, экзистенциальный ужас. С точки зрения многих футурологов, современные цивилизации и культуры переживают кризис, вблизи точек бифуркации. Связано это, например, с кризисом института традиционной семьи (однополые браки), обесцениванием человеческой жизни (суррогатное материнство), упадком духовных ценностей (технократизация и материализация общества) и многим другим.

В напряжении современной социодинамики *привычные* человеческие связи разрываются, но, самое главное, разрушаются главные человеческие ориентиры, что контемпорально увеличивает степень индивидуализации человека в социальном развитии, способствующему высвобождению его из традиционных общественных связей и ценностей. Цивилизационные сдвиги делают индивидов все более автономными и самостоятельными в выборе собственных целей и действий, в формировании собственной идентичности, собственной морали. Об этом свидетельствуют современные процессы усиливающегося мультикультуризма в разных его проявлениях, мультиконфессионализма, мультиэтничности, активизации деятельности меньшинств и другие. Подобное разнообразие «на исторически высоком уровне» [5] привело ко множеству современных проблем, таких как разрушение института семьи, билингвизм, маргинализм, сепаратизм, религиозный экстремизм, неутралиализм. В связи с этим новый импульс получили исследования европейских ученых, свя-

занные с обострением межэтнической напряженности в Европе в результате увеличения числа этнических меньшинств, приведшей к процессу Брексит. Исследователи заявляют: «С иммиграцией и разнообразием на исторически высоком уровне во многих развитых странах необходимо сосредоточить внимание на стратегиях, доступных для устранения возможных возникающих напряжений» [5].

Необходимы новые практические и теоретические стратегии в условиях децентрации общества. Общество перестает быть однообразным, гомогенным. Оно становится неравновесным, гетерогенным. Это уже качественно другой мир по сравнению с недалеким прошлым, фактор его неопределенности возрос, а принцип неопределенности стал еще более очевиден. Поэтому после периода классики и неклассики в эволюции научного знания вырисовывается постнеклассическая наука, основными категориями которой становятся: неопределенность, детерминированный хаос, фрактал, самоорганизация и много других. Неопределенность становится актуальной научной и философской проблемой.

В большей степени это коснулось социальных наук, имеющих своей целью не просто объяснить, но и *понять* человека в своей целостной многосложной сущности. Социум сегодняшнего дня плюрален, полифоничен, представлен в многообразии и разнообразии разновекторных процессов, взглядов, идей, жизненных позиций, идеологических устремлений, в том числе полярных, реакционных, конституированных из различных центров, не несущих ответственность за общество в целом. Общество перестает быть монолитным, а главными его атрибутами становятся узость целей, фрагментарность и поверхностность отношений, неустойчивость связей, усиление

фактора иррационализации, неопределенности социального развития, что подвергает большому сомнению возможность гармоничного человеческого сосуществования. А крайне напряженная политическая ситуация современности, связанная с разрывами социального бытия и сознания, подвергает опасности само существование человечества.

Несмотря на процессы мировой глобализации, современное общество невозможно скоррелировать с основными положениями классических социальных парадигм, заточенных на поиск единого системообразующего принципа социальной жизни, на тотальную метафизику, которая *определяет* все социальные процессы неким единым высшим, *надчеловеческим* принципом существования и развития. Т. Х. Керимов, ссылаясь на М. Хайдеггера, называет такую метафизику онто-теологией [14].

Вопреки традиционной метафизике современный социум не сводим к общему основанию как критерию определенности. Это уже другая природность, «другая социальность», другая «человечность». Современное общество разложено на множество частей, которые трудно назвать составными, они *другие* по отношению друг к другу. «Другая человечность» как проблема нравственности в аспекте неопределенности особо остро и серьезно встала, например, в деонтологии юридической науки и практики, когда на кон поставлена человеческая жизнь. Проблема в том, что очень сложно выносить уголовное наказание в гетерогенном современном обществе при наличии

множества неопределенных факторов, исходя их общих положений деонтологии. Необходимо уметь разумно подгонять деонтологическую (этическую) теорию под различные противоправные ситуации [6]. В этом смысле акцент – на серьезности понятия «ответственность», которое, если подвергнуть анализу деконструкции Ж. Деррида, имманентно понятие «безответственность»¹.

В подтверждение этому Т. Х. Керимов отмечает, что «архитектоника современной общественной жизни сегодня уже не видится одномерной, однородной, но многомерной и многогранной. Каждый из этих ликов утверждается в сфере своего мира с учетом других “возможных миров”. Общество всегда было гетерогенным, но в настоящее время гетерогенизация стала не просто фактом, но еще и острой проблемой»² в силу возрастания уровня его неопределенности.

Социальная философия пребывает в таком же гетерогенном состоянии, как и сама социальная реальность. По словам М. Мамардашвили, «самое трудное в современном мышлении – это привыкнуть рассматривать мир не как готовый, преданный для понимания... Эволюция философии происходит тогда, когда что-то реально нарушается в этом завоеванном блаженстве, в этой онтологической укорененности человека... И возникает вопрос (во всяком случае в русле этого вопроса идет переосмысление): а существует ли готовый мир законов и преданных сущностей?»³

¹ Керимов Т. Х. Апории ответственности // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: сборник научных статей I международной научной конференции. – Екатеринбург: Деловая книга, 2016. – С. 25–31.

² Керимов Т. Х. Социальная гетерология. – Екатеринбург: Урал Наука, 1999. – С. 3.

³ Мамардашвили М. К. Введение в философию // Философские чтения. – СПб.: Изд-во Азбука-классика, 2002. – С. 59.

Именно этот вопрос оказался камнем преткновения между классической, неклассической и постнеклассической социальными парадигмами, вызвав конфликт между привычными наукообразными установками поиска единого принципа социальной жизни и так называемой гуманитарщиной, сопровождающейся новыми «звучно-звонящими» понятиями «дискурс», «контент», «нарратив», «эпистема», «концепт».

Отстаивая классические позиции, С. М. Журавлева и А. В. Иванов утверждают, что современная социальная философия превратилась в псевдонаучную гуманитарщину, отошла от знаний, превратившись в калейдоскоп разнообразных мнений, звучных латинских терминов, оформившись в «сектантские пещеры», с соблазнами которых необходимо бороться: «1) соблазном новизны, ибо всегда лучше быть со старой истиной, чем с новой глупостью; 2) соблазном претенциозной терминологии, когда сложный язык магически завораживает и фактически «замораживает» творческую мысль; 3) соблазном оригинальности, т. е. культом субъективного мнения, где на самом деле почти всегда “умирает автор”, а говорят чужеземные авторитеты и простой страх оказаться немодным»⁴. При этом, по нашему убеждению, авторы ведут речь не о критике лингвистического поворота, который произведен современной западной философией в герменевтическом контексте. Главный протест вызывает факт увлеченности западной терминологией, вычурность и сложность философского «новояза».

На наш взгляд, подобный выпад против «сектантских пещер» является внешним видением кардинального онтологического поворота, совершенного западной философией и связанного с хайдеггеровской деконструкцией метафизики, указывающей на претензии классической философии исключить любую неопределенность в социальном познании. А так называемый новояз свидетельствует не о стремлении современных философов к эпатажности и показной оригинальности, а об их понимании глубинной сущности человеческого бытия.

Сегодня не существует серьезной социально-философской теории, отражающей картину гетерогенного социума⁵. Но такая концепция необходима, для того чтобы выйти из плена некоего метафизического основания. Это основание необходимо искать внутри общества. Традиционная философия взирала на человеческое бытие как бы сверху, вообще, с высоты птичьего полета, что, бесспорно, позволяет очертить контуры человеческой жизни, но, увы, лишь контуры.

Контурность человеческой жизни оказалась еще и размытой вследствие возрастания уровня опосредованности социальных связей, главным фактором которого выступает язык в широком смысле слова. Именно в таком «гетерологическом ключе», методологически следует внимать идее «смерти автора» Р. Барта⁶, когда он в своем одноименном эссе высказался о нарративной тирании автора в понимании смысла литературного произведения (читай: социального действия), лишая глубокого творческого осмысления сущности человека.

⁴Журавлева С. М., Иванов А. В. Соблазны современного гуманитарного знания // Омские научные чтения: тезисы докл. Всерос. научно-практич. конф. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2017. – С. 801–803.

⁵Керимов Т. Х. Социальная гетерология. – Екатеринбург: Урал Наука, 1999. – 160 с.

⁶Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 624 с.

В этом же направлении М. Фуко предлагает новую методологию гуманитарного знания – археологию знания о человеке⁷. «Археология знания» – это глубинный анализ дискурса, связанный с «раскопками» мощных пластов умершего человеческого языка (культуры), под которыми «погребен» живой человек и его деятельность. Анализ дискурса основывается не на обращении к истоку дискурса, а на систематическом исследовании дискурса как практики, образующей объекты дискурса. В этом смысле, по мысли философа, никакого прогресса и смысла в человеческой истории не существует. Отсюда понятны идеи деконструкции Ж. Деррида⁸, означающие понимание текста посредством разрушения стереотипа или включения в новый контекст, что, безусловно, позволяет говорить о гетерологическом подходе к тексту.

О гетерологическом подходе к современному научному познанию высказывается Г. У. Доус: «Успех наук также зависит от существования определенного типа сообщества с отличительными нормами и процедурами. Эти процедуры являются как коллективными, так и индивидуальными: успех науки не может быть понят, полагая отдельного мыслителя лицом к лицу с миром, как бы изоциренно он не думал и не старался экспериментировать» [3]. Таким образом, мыслитель убежден, что наука – это социальный процессный подход к изучаемой проблеме, исключающий существование множественности и легитимирующий гетерологическую множественность сущего.

В подтверждение идеи процессуальности научного знания С. И. Платонова отмечает, что современное социально-гуманитарное знание содержит естественнонаучные

принципы, категории и подходы [21], как, например, в случае синергетики.

Уже в конце XX века синергетика начинает проникать в сферу общественного, а также гуманитарного знания, и современная социальная философия называет ее одной из новейших социальных парадигм. Постнеклассическое общество – очевидная диссипативная, эксплицитно открытая самоорганизующаяся система, в которой отсутствует однозначный системообразующий принцип, что оправдывает применение к ней синергетического метода с присущим ему гетерологическим измерением. Исключительную роль играет здесь хаос, «неустойчивость», «перманентный кризис», «турбулентность», «сетевой индивидуализм» [24].

Любая социальная система в своей эволюции достигает определенных точек бифуркации – критических точек своего саморазвития, где не только возрастает фактор дальнейшей неопределенности в развитии, но и сам темп, динамика этого развития. Именно в такие моменты исторического развития все незначительные на первый взгляд, даже микроскопические случайности переходят на макроуровень. Например, маленькая террористическая группа ставит под реальную угрозу существование целого человечества, или недалекоразличная политика государств приводит к опасным последствиям (к современной ситуации в Украине и Европе). В таких опасных для всего человечества условиях особенно необходимо знать и уметь использовать законы, принципы и правила коэволюции сложных саморазвивающихся систем, их сосуществования и совместного функционирования. Главный тормоз этому – следование принципу гомогенизации

⁷Фуко М. Археология знания. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

⁸Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. – М.: AdMarginem, 2000. – 512 с.

(выравнивания) систем, редукции, слепой экстраполяции.

Исследователи все больше заявляют о междисциплинарности в различных ее вариантах как ключевом направлении дальнейшего развития познания [9], что ставит проблему гибридного моделирования [7]. У. Меки признает за междисциплинарностью гетерогенность: «Существует много источников и много разновидностей этой неоднородности, среди которых тот факт, что многие дисциплины по своей сути являются междисциплинарными, поскольку их характерные виды деятельности включают в себя много междисциплинарного трафика или сотрудничества, и что это поощряется местными конвенциями и структурами вознаграждения в рамках этих дисциплин» [8].

Но в большей степени, чем о междисциплинарности, современные социальные исследователи высказываются о плюрализме теорий социально-гуманитарного знания [23] и мультипарадигмальности [21]. Речь идет о единстве классических, неклассических и постнеклассических парадигм. Наряду с идеей полипарадигмальности социально-гуманитарного знания, возможности сосуществования конкурирующих социальных теорий возникла концепция социологической метатеории [10], принцип социетального эволюционизма (АСК-эволюционизм) [18], которые отражают пеструю мозаику постсовременного мира, внезапно нарушившую нарисованную классиками «идиллию» общественного и человеческого устройства.

Отмечая это, французский философ, профессор философии Страсбургского университета Ж.-Л. Нанси в работе «Бытие единичное и

множественное» заявляет о своей амбиции переделать «первую философию», экстраполируя ее на человека таким образом: люди – это «такой вид, чье существование не может быть никаким иным, кроме как многочисленным, рассеянным, неопределенным в своей общности. Это существование схватывается только лишь в парадоксальной одновременности всей совокупности (анонимной, запутанной, массивной) и рассеянной сингулярности...»⁹.

Именно в этом «ключе» рассуждает словенский мыслитель С. Жижек, предлагая идею разрыва социальной реальности, которая в современном мире трансформировалась в виртуальную. Но проблему виртуальной реальности С. Жижек называет банальной. Его интересует проблема *реальности виртуального*. «Виртуальность – это очень конкретная вещь. Но в то же время в целом это ничто. Это, если хотите, особый эффект реального. И именно здесь лежит настоящая проблема» [12, с. 116]. Другими словами, социальное пространство, в котором пребывает человек, реально виртуально. *Реальная виртуальность* – самый проблематичный регистр виртуальности. Но именно он и задает для нас онтологию разрыва. Реальное – это не Вещь, а разрыв на пути к ней [12]. Отсюда у словенского мыслителя возникает идея разорванности, расколотости, децентрации субъекта, созвучная концепциям экзистенциалистов М. Хайдеггера, А. Камю, Ж.-П. Сартра.

Именно с М. Хайдеггера, как указывалось выше, начался «онтологический поворот» в философии от онтологических оснований бытия к онтическим, задавший гетерологическую ориентацию социальной философии

⁹Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. – Мн: И. Логвинов, 2004. – С. 24.

фии, трансформируя онтологию как исследование не «сущего как сущего», а «сущего в его отношении к ...человеческому существу» [14], которое априори исключает однозначную его определенность. В этом контексте традиционная социальная философия абсолютизировала трансцендентальный метод, выйдя за пределы человека и став надисторичной, надчеловеческой. Как следствие, она оказалась неспособной понять человеческую составляющую социального бытия, сущность человеческой жизни. Она оказалась неспособной научить людей жить по-человечески¹⁰, игнорируя неравновесность, контингентность человеческого бытия.

О контингентности любой реальности заявлено в эконцепции постфундаментализма, «более сильная версия» которой связана с «принципом неоснования» К. Мейясу – принципом равной и безразличной возможности всех вещей [14]. Согласно К. Мейясу, «...все должно иметь возможность не быть и/или быть иным без всякого основания» [15, с. 25]. К. Мейясу выводит принцип фактичности, согласно которому «фактичностью» называется «отсутствие причины для всякой реальности»¹¹. Мотивы постфундаментализма постулируют не отсутствие основания, а случайный характер основания, множественность бытия. На это указывает А. Бадью, понимая под бытием бесконечность множественностей. «Если онтология Единого – это теология, то онтология после онтологии – это онтология множества» [15, с. 25].

Как бы в продолжение идеи постфундаментализма в синтезе с идеями синергетики возникла гипотеза об информационно-резонансной природе радикальных трансформаций в современном обществе, суть которой в следующем: «Отдельные эффекты и локальные структурные изменения (аномалии) вызваны волновыми переменными информационными импульсами, вторгающимися в структуру социального взаимодействия как “клетку” (элементарную систему) социальной системы» [13].

Таким образом, в результате нашего аналитического исследования современных концепций социально-философского дискурса возникает вывод о том, что концептуальной основой новой парадигмы социального познания, делающей акцент на онтологии множества, а не единого, и легитимирующей в связи с этим принцип неопределенности как атрибут социального познания, особенно актуальный для современности, может быть гетерологическая. Именно гетерологическая социальная парадигма способна преодолеть «социологический империализм» со стороны «западных теорий, устанавливающих стандарты понимания незападных стран, аборигенов, туземных миров»¹².

Серьезную попытку разработать социальную гетерологию как новую методологию и теорию современного социально-философского дискурса предпринял Т. Х. Керимов. Но в контексте принципа неопределенности социального познания данная проблема ставится впервые.

¹⁰Кемеров В. В. Введение в социальную философию. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 215 с.

¹¹Ковалец М. С. Принцип необходимости контингентности в философии Квентина Мейясу // Гилея: Научный Вестник. – 2015. – Вып. 101. – С. 222–225.

¹²Платонова С. И. Парадигмальный характер социального знания. – Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2014. – 265 с.

Авторы статьи предприняли попытку обосновать эпистемологический потенциал социальной гетерологии как новой постнеклассической парадигмы социального познания, способной отразить картину современного гетерогенного социума, именно в контексте принципа неопределенности социального познания.

Методология исследования

Исследование проведено в рамках критического анализа работ европейских и российских философов, теоретического обобщения, эвристического синтеза, методов социальной синергии и социальной гетерологии в исследовании современных социальных процессов.

Результаты исследования

Авторы выявили, что в постнеклассическом социально-философском дискурсе доминируют гетерологические ориентиры, которые методологически устанавливают новые подходы к пониманию современной социальной практики, актуализирующей принцип неопределенности ее развития и познания, вытекающий из многообразия и разнообразия социальных связей и поступков, не привязанных к единому вектору развития.

Вся постнеклассическая наука заявляет, что мир как объект познания во многом сложнее, неопределеннее, чем представлялось ранее: он имеет непростую онтологическую организацию, нелинейную структуру; в нем периодически сменяются хаотичность и упорядоченность через процессы самоорганизации, обнаруженные и описанные синергетикой; он демонстрирует нестатичность, незавершенность, фрактальность, незамкнутость, неравновесность. Этот сложный, онтологически множественный, нелинейный мир со множеством обратных связей развивается по таким

же сложным законам с массой скрытых внутренних процессов и с большим трудом поддается изучению, поэтому в процесс его познания включается именно *неопределенность* как главная характеристика.

Принцип неопределенности социального познания как важнейший его атрибут объясняется, прежде всего:

1) своей экзистенциальной составляющей: неопределенностью, нераскрытостью индивидуальной сущности, бытия главного носителя общества – человека, который амбивалентно представляет собой объект и субъект социального познания; отсюда его внутренняя раздвоенность, противоречивость, парадоксальность;

2) процессами децентрации человека как субъекта деятельности;

3) фрактальностью человека и общества;

4) усилением иррационализма в современной социальной жизни;

5) виртуализацией современной реальности;

5) неопределенностью социальных прогнозов и т. д.

Конституирование принципа неопределенности в социально-философском дискурсе никак не должно приводить к постмодернистским идеям инфляции истины с открытием релятивистских концепций истин. На первый взгляд, принцип неопределенности невольно упирается в классическую идею детерминированности или индетерминированности социального развития относительно определенной точки отсчета, что делает возможным или невозможным социальное познание вообще. Но подобная дилемма встает, если использовать линейную парадигму социального исследования. Если же применять другие исследо-

вательские парадигмы, например, постмодернистскую «ризоморфную», в которой отсутствует центрирующий принцип и единый код, или синергетическую, с идеей фрактальности, то неопределенность в социальном познании, равно как и в социальном развитии, четко вырисовывается как неперенный их атрибут, при этом не подвергая сомнению и тем более не отвергая важность и возможность самих социальных наук. И это не очередной хитроумный парадокс человеческого познания, а указание на специфику объекта и предмета социального познания – общество и его носителя человека, постижение эссенции и экзистенции которого не только не достигло своего логического завершения, а, напротив, обросло еще большей неопределенностью.

Речь идет о новой, постнеклассической парадигме социального познания, берущей за основу не гомогенные, а гетерогенные социальные связи и отношения. Речь идет об обнаружении социальных законов-тенденций, имеющих различную степень вероятности для реализации. По нашему мнению, в этом смысле понятие «научная парадигма», взятое из естествознания, вполне применимо к социальному исследованию. Тем более что, как известно, самой философской постановкой проблемы неопределенности в познании мы обязаны, в первую очередь, естествознанию, и именно естествоиспытатели впервые заговорили о ней, сделав предметом острых дискуссий.

Неопределенность и ранее присутствовала в классических научных системах, была их элементом, но все же рассматривалась как нетипичный, специфический, нехарактерный, чуждый, даже экстремальный феномен, как исключение [16], которое связывалось либо с неполнотой научного описания, либо с субъек-

тивными особенностями познающего субъекта. И лишь с появлением квантовой механики в научный лексикон и методологию стал проникать принцип неопределенности, но и тогда его сферу ограничивали только микромиром. И только постнеклассическая наука полноправно в процесс познания мира включила *неопределенность* как его существенный атрибут.

В большей степени это коснулось социальных наук, имеющих своей целью не просто объяснить, но и *понять* человека. Это обретает исключительную важность в современном обществе, в котором возникла настоятельная необходимость поиска гуманных, человекомерных теорий – решений во всех областях различных видов человеческой деятельности – политике, экономике, сфере управления и других. Это крайне важно, т. к. человечество XX–XXI веков находится в состоянии «турбулентного» существования, в котором, казалось бы, незначительные действия, поступки людей способны привести к кризисным, даже катастрофическим последствиям.

На наш взгляд, трактовка постмодернизма как установки на «инфляцию истины» ничем не оправдана и вызвана классическими, линейными взглядами на детерминизм и индетерминизм. На самом деле, речь идет о переходе с гомогенных на гетерономные парадигмы социально-гуманитарного знания, какими являются синергетическая, номадологическая, ризоморфная (Ж. Делез, Ф. Гваттари). С помощью ризоматики как методологии описания социальной реальности, например, возможно обнаружить связь макро- и микроявлений; осознать конгруэнтность, различных, на первый взгляд, социальных процессов: глобализация и терроризм, развитие ментальности и

нарастание межэтнических конфликтов, прогресс в масс-медийных, интернет-технологиях и активизация субкультурных явлений [20]. Эти постнеклассические парадигмы противопоставляются неизменным линейным, «древовидным» структурам социального бытия и выявляют диверсифицированное социальное строительство с плюральностью оснований [1].

Главной установкой гетерологических исследований является взгляд на общество изнутри, с точки зрения разнообразия оттенков его, отраженных в человеческой деятельности, в сингулярных поступках людей, не поддающихся односложным оценкам.

Проблема человеческого поступка как неопределимого по-новому была рассмотрена еще в философии М. М. Бахтина, т. к. в поступке человека мыслитель увидел обращенность, направленность на другого человека, представленность как диалог, в котором зарождается первичная структура индивидуальности, неповторимости бытия личности, тем самым осуществляется переход от данного, наличествующего, возникшего в прошлом, сформированного, к создаваемому, творчески творимому в настоящем, а затем и к будущему.

По мнению М. М. Бахтина, диалог с другим является тем полем, на котором разворачивается подлинная творческая человеческая деятельность, присутствующая в совершенно разных областях общественного бытия. В данном вопросе есть серьезное исследование тонко выявленных и четко сформулированных различий между творческой созидательной деятельностью и деятельностью, наоборот, деструктивной, противоположной, разрушительной. В ситуации современного мира, в котором наличествуют сложные, неоднородные, сложно-определяемые процессы, как бы гарантированные морально-нравственными

позициями, но не гарантированные в смысле разрушительных результатов, глубокий философский анализ размытой грани между добром и злом, как никогда остро-необходим.

Человеческий поступок, по М. М. Бахтину, представляется не чем иным, как микрокосмом творческой деятельности, происходящим в мире, который принципиально незавершен, в котором будущее не гарантировано ничем и никем, не поддается предугадыванию. Более того, каждый совершенный поступок формирует мир и осознается для самого человека как актуальный и ответственный. Являясь творческим деянием, поступок не выводится целиком из прошлого опыта, уже обобщенного науками. Любой поступок направлен всегда на другого человека, в чем выражается его должностное и вместе с тем его уникальная подлинная неповторимость в отношении к будущему. Но, по мнению мыслителя, насколько в поступке присутствуют творчество и созидание, настолько в нем содержатся разрушительность и деструкция, так как наличие априорного знания в человеческом поступке обязательно сочетается с индивидуальностью его инициативности, субъективностью воли, исходящей из *сложной глубинности души*.

В разнообразии и многообразии социальных связей, их полифонизме, в диалоговых и полилоговых межчеловеческих отношениях М. М. Бахтин видит главное неперемное условие творчества. Как подчеркивает философ, конкретный человеческий поступок уже включает множество предпосылок для творчества и смыслообразования. Творчество как становление, со-бытийность возможно не внутри человека, а на пороге собственного сознания и сознания другого, чужого.

Этим данный предмет вызывает большой интерес у В. С. Библера, который в своих

социальных размышлениях акцент делает не на отношениях субъекта и объекта, как это было принято в классической философии, а на отношениях межсубъектных. Более того, каждый любой предмет мира, который философ понимает «как если бы он был произведением», представляет собой воплощение субъективных и субъектных особенностей автора. Но при этом субъектно-объектные отношения не нивелируются, т. к. любое мышление продолжает оставаться предметным. Однако, как подчеркивает В. С. Библер, чем полилогичней «диалог», «тем более несводим к той или иной логике бесконечно-возможный мир, тем более “колобок” бытия плотен, непоглощаем, загадочен, выталкиваем “во-вне” мысли»¹³. Таким образом, принцип неопределенности обусловлен неравновесностью человеческих поступков.

По нашему мнению, аттрактор человеческих поступков как основы социальной деятельности способна очертить именно социальная гетерология, согласно которой социальное бытие рассматривается как основание сущего в смысле принадлежности ему, а не в смысле обладания, овладения. Это значит, что бытие – это бытие именно сингулярного существования. Бытие есть различие бытия. Бытие – это со-бытие. Способ бытия существования – совместное бытие.

Таким образом, для современной философии очень важной становится идея становления различия, которая означает переход к новому понятию бытия, не привязанному к какому-либо традиционному основанию. «Вещи – это не что иное, как непрерывное создание ex nihilo; они существуют как глаголы и никогда не явля-

ются существительными. То, что поддерживает сущности в присутствии, – это их вечное исчезновение и становление. Таким образом, постоянство или непостоянство вещей заключается только в их непостоянстве или, лучше, в их постоянном исчезновении» [4].

В традиционном метафизическом дискурсе отношение между бытием и сущим мыслится как отношение единого и многого. Очевидное различие между бытием и сущим заключается в том, что бытие – сингулярно (единично), тогда как сущее – множественно. Для социальной гетерологии сущее (многое) не есть все, это не множество разрозненных предметов, а множество, находящееся в становлении. Становление как становящееся суть единство. Но это не метафизическое единство – это единство становящегося. Это другое представление о социальности, это другая социальность. Но вместе с тем это и другая природность. Если в традиционной онтологии присутствовало абстрактно понимаемое природное бытие, то в эволюционной постулируется социализация природы, ее гетерологизация.

Редукционистское онаучивание социальности в классической метафизике сопровождалось привязкой к некоему высшему организованному и организующему порядку (Космос, Бог, Природа). Идеалом социальности было объединение. Счастье в объединении – государство как семья у Конфуция, государство как город у Платона, государство как организм у Аль-Фараби и т. д. Эта социальность вокруг чего-то общего и единого.

Т. Х. Керимов выделяет две причины этому:

1) выделение естественных причин социальности;

¹³Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 413 с.

2) объективность естественных наук.

Как следствие, в социальном познании возникает тип теоретического сознания, опирающегося не на традицию или веру, а на результаты исследования, не чуждые критичности. Правда, эта критичность в социологии О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Вебера – внутри познавательной процедуры – и не затрагивает особенностей субъекта познания. Ведь главный принцип контовской социологии – познать общество натуралистично, объективно. С одной стороны, подобный гносеологический подход позволил освободиться от метафизических искажений и упрощений, но, с другой – это амбивалентно порождает еще большее ограничение, вызванное чрезмерной объективацией социума. О. Конт употребляет выражение «естественные законы общества», Г. Зиммель говорит о «социальных формах», а Э. Дюркгейм – о «социальных фактах». «Странным образом именно тогда, когда социология выделяется в качестве частной и автономной (от метафизики) дисциплины со своим предметом (со своей истиной и сущностью этого предмета) и соответствующими методами, она оказывается во власти метафизики»¹⁴. Правда, теперь социология обращается не к высшему трансцендентному порядку, а к социальному Космосу, к тому порядку, который незримо присутствует в самом обществе (кстати, слово «космос» в переводе с греческого обозначает «порядок»). И все варианты бытия человека в социуме – лишь частные случаи социального космоса. Таким образом, речь идет о самодостаточности социального, как, впрочем, в метафизической (онтологической) концепции речь шла о самодостаточности метафизики.

Однако теперь мы должны говорить о «другой социальности», не на едином основании и тождестве пребывающем, а о социальности множественной, дискретной, разнородной. Мы должны говорить не о гомогенном обществе, а о гетерогенном, об обществе различия. Необходимо преодолеть метафизику. Необходимость преодоления метафизики вызвана не когнитивным интересом, описывающим социальную реальность, а когнитивным интересом, направленным на понимание человека, трансформируясь из социальной в гуманитарную. Новая онтология должна быть основана «на восходящем принципе: она тематизирует популяции гетерогенных сущих различных нижних уровней, а не целостности, как в нисходящей модели» [11, с. 35].

Современная социальность – уже не объект или идея, это со-бытие различных существований, сингулярностей. Об этом уже высказывались представители философии жизни, экзистенциалисты, постмодернисты, персоналисты и другие. Общего бытия у сингулярностей не существует, их объединяет лишь ускользание бытия, считают сторонники гетерологической концепции. Социальность – это не общее пространственная и временная реальность. Социальность – это «бытие-вместе». Индивидуальное бытие – это разделение. Индивидуальное бытие – это со-бытие, для описания которого необходима гетерология, опирающаяся на различие бытия индивидуального (в отличие от классической метафизики, способной описать гомогенное общество). Следовательно, гетерогенность современного общества стала необходимой проблемой для социальных исследований.

¹⁴Керимов Т. Х. Социальная гетерология. – Екатеринбург: Урал Наука, 1999. – С. 10.

Это как у М. Хайдеггера, бытие – всегда собственное бытие. Но сингулярность – не есть проецирование субъективного «Я» на окружающее меня, а, наоборот, то, что определяет «мойность» каждый раз. Сингулярность времени – «ускользание от субстанции». Бытие пребывает в дискретности сингулярностей. Бытие вместе есть разделение бытия общества. Отсюда толерантность – мера принадлежности индивидуального существования бытию вместе. Отсюда бытие вместе равно равенству. Но равенству не безусловному, не категорическому, а касающемуся самих нас. Равенство – это не критерий и не мера. Равенство – это равенство неравных. Равенство в различии¹⁵.

Согласно гетерологической концепции, история есть «безвремяе», «межвремяе», на основе чего и возникает история и историческое время. При любом историческом событии время как бы останавливается, застывает, «опространствливается». Между мгновениями времени существует событие.

Согласно нашему убеждению, в рамки гетерологической концепции помимо постмодернистских проектов вписываются модели социальной синергии, фрактальности¹⁶, в которых во главу угла также ставится «событийность», процессуальность, внутренняя самоорганизация, определяемая автохтонными, имманентными принципами развития. Социальность определяется из самой себя. Гетерологическая концепция предлагает совершенно новую парадигму социального исследования, изменяя когнитивный ракурс с определенности на неопределенность, на «поток становления», «политику эксперимента» [19], пытаясь преодолеть номотетические установки эпистемологии.

Неопределенность социального развития и познания указывает на *невозможность* конституирования современного социального процесса в рамках единого трансцендентального принципа и убеждает в справедливости гетерологического подхода к обществу. Авторская позиция в том, что именно социальная гетерология нацелена, действительно, не на описание и объяснение сложных социальных процессов, а на понимание мотивов и действий живых людей, движимых огромным спектром факторов, включая, бесспорно, психологические (классическая социальная философия табуировала всякую психологизацию социально-философского анализа), а не формализованных субъектов человеческой истории.

Заключение

Таким образом, общество XXI века характеризуется эксплицитной высокой гетерогенностью, составленной:

- из различия как структурообразующего фактора;
- очевидной нелинейности, децентрации социальных процессов и самого человека;
- высокой степени опосредованности социальных процессов, скрывающей их сложные взаимодействия.

Гетерогенность усилена:

- мощью и динамикой научно-социального прогресса;
- активизацией процессов самоорганизации социальной жизни;
- усложнением субъективного фактора социального развития;
- усилением иррационализации социальных процессов и т. д.

¹⁵Керимов Т. Х. Социальная гетерология. – Екатеринбург: Урал Наука, 1999. – С. 10.

¹⁶Эпштейн М. К философии возраста // Звезда. – 2006. – № 4. – С. 25–28.

Фактор неопределенности современной социальной жизни возрос и обострился, а «принцип неопределенности» в социально-философском познании поставил проблему поиска эффективных научных парадигм в условиях другой социальности и природности.

Авторы статьи впервые обосновывают социальную гетерологию как постнеклассическую парадигму, адекватно коррелирующую с принципом неопределенности социального познания и необходимую в современном социально-философском дискурсе для исследования многосложных, опосредованных социальных процессов и связей, имеющих самоорганизующийся алгоритм развития, тем самым отвергая научные классические установки на поиск единого, надчеловеческого системообразующего принципа развития социальной жизни. В этом новизна исследования.

Социальная гетерология признает принцип неопределенности социального познания,

но не абсолютизирует его, а в сложной иерархии опосредованностей выявляет их соотносительность друг с другом, с тем чтобы «нащупать» реальные связи. По нашему мнению, это вполне выполнимо.

Наше будущее открыто и многообразно, но оно не является произвольным. Оно не случайно, оно вероятно [22]. Социальная структура гетерархична, представлена как упорядоченная множественность [17]. Существует определенный набор будущих возможностей социального развития. Этот спектр определяется, главным образом, ее собственными свойствами, и это главный когнитивный принцип социальной гетерологии. Авторская позиция в том, что, несмотря на присутствие неизбежных элементов неопределенности, хаоса в общественной жизни, социальная гетерология как постнеклассическая парадигма социального познания обладает высокоэффективным эпистемологическим потенциалом в исследовании современного социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Griffith A. M.** Social construction: big-G grounding, small-g realization // *Philosophical Studies*. – 2018. – Vol. 175, Issue 1. – P. 241–260. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11098-017-0865-x>
2. **Bertrand M.** Fundamental ontological structure: an argument against pluralism // *Philosophical Studies*. – 2017. – Vol. 174, Issue 5. – P. 1277–1297. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11098-016-0760-x>
3. **Dawes G. W.** Identifying Pseudoscience: A Social Process Criterion // *Journal for General Philosophy of Science*. – 2018. – P. 1–16. DOI: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10838-017-9388-6>
4. **Kerimov K., Kerimov T.** The Evanescent Thing: Heidegger and Ozy // *KronoScope*. – 2014. – Vol. 14, Issue 2. – P. 195–210. DOI: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/15685241-12341305>
5. **Laurence J., Schmid K., Hewstone M.** Ethnic Diversity, Inter-group Attitudes and Counter-vailing Pathways of Positive and Negative Inter-group Contact: An Analysis Across Workplaces and Neighbourhoods // *Social Indicators Research*. – 2018. – Vol. 136, Issue 2. – P. 719–749. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1570-z>
6. **Lazar S.** In dubious battle: uncertainty and the ethics of killing // *Philosophical Studies*. – 2018. – Vol. 175, Issue 4. – P. 859–883. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11098-017-0896-3>
7. **Hvidtfeldt R.** Interdisciplinarity as Hybrid Modeling // *Journal for General Philosophy of Science*. – 2017. – Vol. 48, Issue 1. – P. 35–57. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10838-016-9344-x>

8. **Mäki U.** Philosophy of interdisciplinarity. What? Why? How? // European Journal for Philosophy of Science. – 2016. – Vol. 6, Issue 3. – P. 327–342. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-016-0162-0>
9. **Mäki U., MacLeod M.** Interdisciplinarity in action: philosophy of science perspectives // European Journal for Philosophy of Science. – 2016. – Vol. 6, Issue 3. – P. 323–326. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-016-0161-1>
10. **Девятко И. Ф.** Метатеоретизирование или философия социальных наук? // Социологические исследования. – 2017. – № 12. – С. 3–9. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517120017>
11. **Деланда М.** Новая онтология для социальных наук // Философско-литературный журнал Логос. – 2017. – Т. 27, № 3 (118). – С. 35–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29077881>
12. **Зброжек Е. А.** Онтология разрыва как ключ к пониманию философии С. Жижека // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2012. – № 2 (8). – С. 115–120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18753611>
13. **Игнатъев В. И.** Социальная теория в контактной зоне методов естествознания: информационно-резонансный подход к интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. – 2017. – № 3. – С. 3–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29074188>
14. **Керимов Т. Х.** Онтология как онто-теология и ориентиры ее преодоления // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 14. – С. 106–113. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24387839>
15. **Керимов Т. Х.** Преодоление метафизики: предпосылки и ориентиры // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 10. – С. 23–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29072059>
16. **Керимов Т. Х., Бурбулис Ю. В.** Ирредукционизм как основной методологический принцип современной социальной онтологии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11-1. – С. 26–28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25008495>
17. **Красавин И.** Гетерархия множества // Философско-литературный журнал Логос. – 2017. – Т. 27, № 3 (118). – С. 173–198. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29077887>
18. **Лапин Н. И.** Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030017>
19. **Пикеринг Э.** Новые онтологии // Философско-литературный журнал Логос. – 2017. – Т. 27, № 3 (118). – С. 153–172. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29077886>
20. **Пилюгина Е. В.** Феноменология ризомы. Ризоморфные среды // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 3101–3105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20573674>
21. **Платонова С. И.** Эпистемологические особенности современного социально-гуманитарного знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Том 6, № 3А. – С. 131–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30612057>
22. **Подопригора А. В.** Генератор реальности: Информация и механизмы самоорганизации // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 17–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28126779>
23. **Стёпин В. С.** Историко-научные реконструкции: плюрализм и кумулятивная преемственность в развитии научного знания // Вопросы философии. – 2016. – № 6. – С. 5–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26421751>
24. **Шевлоков В. А.** Устойчивое развитие общества: синергетический подход // Вестник КРАУНЦ. Физико-математические науки. – 2016. – № 2 (13). – С. 62–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26527432>

DOI: [10.15293/2226-3365.1804.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1804.05)

Bakhyt Zharmukhamedovna Zhussupova,
Master of Philosophy, Senior Lecturer,
Department of Philosophy and Theory of Culture;
Doctoral Student in Philosophy,
Ye. A. Buketov Karaganda State University, Karaganda, Republic of Kazakhstan
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4442-3924>
E-mail: zhussupova2013@mail.ru

Baizhol Iskakovich Karipbayev,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Department of Philosophy and Theory of Culture,
Ye. A. Buketov Karaganda State University, Karaganda, Republic of Kazakhstan
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1892-2631>
E-mail: karipbaev@mail.ru

Pavel Petrovich Soloshchenko,
Master of Philosophy, Senior Lecturer,
Department of Philosophy and Theory of Culture,
Ye. A. Buketov Karaganda State University, Karaganda, Republic of Kazakhstan
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6615-5369>
E-mail: p_soloschenk@mail.ru

Social heterology in the context of the principle of uncertainty of social cognition

Abstract

Introduction. *The article is devoted to the problem of substantiating the necessity of a heterological model of post-non-classical socio-philosophical discourse within the framework of “turbulent” modernity. The purpose of the article is to reveal the epistemological potential of social heterology in the context of the principle of uncertainty of social cognition.*

Materials and Methods. *The study is based on critical analysis of the works of European and Russian philosophers, and methods of social synergy and social heterology in the study of modern social processes.*

Results. *The authors have revealed the heterogeneous nature of modern society, which has a complex ontological organization, nonlinear structure, openness, and disequilibrium. The authors have distinguished two main models, two main approaches to explaining social being: ontological and heterologous. The views of Russian and European philosophers on the necessity and essence of post-non-classical methods and paradigms of social cognition, which have a heterological character, have been analyzed and summarized. It is noted that the world of society, with people as carriers, is moved not only by objective laws of being, but also by free human wills, including irrational, which sometimes makes it unexpected, sudden and unpredictable. The authors' position is that social heterology constitutes the principle of uncertainty of social cognition as its inevitable attribute, which testifies to the complex dynamics of self-development of social processes, the carriers of which are the plurality of singularities. The authors justified the position that the heterological paradigm brings us closer to understanding of contradictory modern social processes, not only from cognitive interest, but mainly from the practical one, to develop human-scale tactics and development strategies in order to avoid social tension and social cataclysms.*

Conclusions. *The authors conclude that social heterology as a new methodology of social cognition has sufficient grounds to become a new paradigm necessary for the study of society in conditions of a decentered, fractal modernity. Social heterology adequately correlates with the principle of uncertainty of social cognition and possessing a positive potential in the study of modern social processes.*

Keywords

Heterogeneous society; Post-nonclassical discourse; Post-nonclassical methods; Epistemological potential; Cognitive interest; Heterological paradigm; Plurality of singularities; Nonlinear structure; Dynamics of self-development; Human-like tactics.

REFERENCES

1. Griffith A. M. Social construction: big-G grounding, small-g realization. *Philosophical Studies*, 2018, vol. 175, issue 1, pp. 241–260. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11098-017-0865-x>
2. Bertrand M. Fundamental ontological structure: an argument against pluralism. *Philosophical Studies*, 2017, vol. 174, issue 5, pp. 1277–1297. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11098-016-0760-x>
3. Dawes G. W. Identifying Pseudoscience: A Social Process Criterion. *Journal for General Philosophy of Science*, 2018, pp. 1–16. DOI: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10838-017-9388-6>
4. Kerimov K., Kerimov T. The Evanescent Thing: Heidegger and Ozy. *KronoScope*, 2014, vol. 14, issue 2, pp. 195–210. DOI: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/15685241-12341305>
5. Laurence J., Schmid K., Hewstone M. Ethnic Diversity, Inter-group Attitudes and Countervailing Pathways of Positive and Negative Inter-group Contact: An Analysis Across Workplaces and Neighbourhoods. *Social Indicators Research*, 2018, vol. 136, issue 2, pp. 719–749. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1570-z>
6. Lazar S. In dubious battle: uncertainty and the ethics of killing. *Philosophical Studies*, 2018, vol. 175, issue 4, pp. 859–883. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11098-017-0896-3>
7. Hvidtfeldt R. Interdisciplinarity as Hybrid Modeling. *Journal for General Philosophy of Science*, 2017, vol. 48, issue 1, pp. 35–57. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10838-016-9344-x>
8. Mäki U. Philosophy of interdisciplinarity. What? Why? How?. *European Journal for Philosophy of Science*, 2016, vol. 6, issue 3, pp. 327–342. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-016-0162-0>
9. Mäki U., MacLeod M. Interdisciplinarity in action: philosophy of science perspectives. *European Journal for Philosophy of Science*, 2016, vol. 6, issue 3, pp. 323–326. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-016-0161-1>
10. Deviatko I. F. Metatheorizing Or Philosophy Of Social Sciences?. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2017, no. 12, pp. 3–9. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517120017>
11. DeLanda M. A New Ontology for the Social Sciences. *Logos Journal*, 2017, vol. 27, no. 3, pp. 35–56. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29077881>
12. Zbrozhek E. A. The ontology of the gap as a key for understanding Zizek’s philosophy. *Proceedings of Voronezh State University*, 2012, no. 2, pp. 115–120. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18753611>
13. Ignatyev V. I. Social Theory in the Contact Zone of the Methods of Natural Science: Informational Resonance Approach to Interpreting Social Reality. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2017, no. 3, pp. 3–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29074188>

14. Kerimov T. Kh. Ontology as Onto-Theology and the Ways to Transcend It. *Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2015, vol. 14, pp. 106–113. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24387839>
15. Kerimov T. H. Overcoming of Metaphysics: Presuppositions and Landmarks. *Intelligence. Innovations. Investments*, 2016, no. 10, pp. 23–25. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29072059>
16. Kerimov T. Kh., Burbulis Ju. V. Irreductionism as the main methodological principle of modern social ontology. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2015, no. 11-1, pp. 26–28. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25008495>
17. Krasavin I. Heterarchy of the Multitude. *Logos Journal*, 2017, vol. 27, no. 3, pp. 173–198. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29077887>
18. Lapin N. I. Anthroposociocultural Evolutionism – A Metatheoretical Principle of Studying Human Communities. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2018, no. 3, pp. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030017>
19. Pickering A. New Ontologies. *Logos Journal*, 2017, vol. 27, no. 3, pp. 153–172. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29077886>
20. Pilugina E. V. Phenomenology of the rhizome. Rizomorphic media. *Periodic Scientific and Methodological Journal Koncept*, 2013, vol. 3, pp. 3101–3105. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20573674>
21. Platonova S. I. Epistemological features of modern social-humanitarian knowledge. *Context and reflection: Philosophy of the World and Man*, 2017, vol. 6, no. 3A, pp. 131–142. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30612057>
22. Podoprigora A. V. Reality generator: information and mechanisms of self-organization. *Institute of Philosophy and Law. Urals Division of the Russian Academy of Sciences*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 17–32. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28126779>
23. Stepin V. S. Historical-Scientific Reconstruction: Pluralism and Cumulative Continuity in the Development of Scientific Knowledge. *Questions of Philosophy*, 2016, no. 6, pp. 5–14. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26421751>
24. Shevlov V. A. Sustainable development of society: synergetic approach. *Bulletin KRASEC. Physical & Mathematical Sciences*, 2016, no. 2, pp. 62–67. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26527432>

Submitted: 07 May 2018

Accepted: 02 July 2018

Published: 31 August 2018

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).